

Две жизни Ильи Циона

А. С. Шевелев,
кандидат медицинских наук
Смоленск

В СВОИХ «Воспоминаниях» И. И. Мечников писал: «Особая судьба выпала на долю И. Ф. Циона, недавно скончавшегося в печальном одиночестве в Париже... Многие, знавшие его, и я в том числе, его очень не любили за злобный характер и неспособность стать на сколько-нибудь нравственно-возвышенную точку зрения»¹.

Эти слова были сказаны об одном из крупнейших физиологов мира того времени. Такой уничижительный отзыв Мечникова о Ционе тем более удивителен, что оба они были наиболее известными представителями русских ученых в науке Франции начала XX в.: Мечников был заместителем директора Пастеровского института, Цион — заведующим лабораторией. Мечникова пригласил в Париж Л. Пастер в 1888 г., Цион прибыл в Париж по приглашению К. Бернара в 1875 г.

Судьба Циона была поистине удивительной. Ему в своих «Воспоминаниях» посвятил целых семь страниц председатель Комитета министров России С. Ю. Витте, о нем писали историки Е. В. Тарле и А. З. Манфред, указывая на его немалую роль в развитии русско-французских отношений того времени.

Всю свою жизнь Илья Фаддеевич Цион служил трем богам: науке, самодержавию и золотому тельцу. Но, верный слуга самодержавия, Цион, ставший в 1887—1888 гг. главным представителем Министерства финансов России во Франции, в 1895 г. был лишен российского гражданства. Блестящий физиолог и талантливый публицист, выдающийся финансист и экономист, он прожил странную, бле-

стящую и нелепую жизнь. Друг М. Н. Каткова и корреспондент К. П. Победоносцева, добившийся получения от Франции займа для России, он стая врагом могущественного Витте и был лишен российского гражданства. Замечательный физиолог, он был вынужден бросить кафедру в Петербурге и эмигрировать во Францию, где ему не удалось создать собственной научной школы и где его научная деятельность стала постепенно угасать, в то время как его бывший ученик И. П. Павлов, сделавший свою первую работу под его руководством, в 1904 г. был удостоен Нобелевской премии за «Лекции о работе главных пищеварительных желез». За время работы Циона в Париже Павлов был избран членом семи академий: Франции (1900), США (1904), Италии (1905), Бельгии (1905), Голландии (1907), Англии (1907) и России (1907). В отличие от Циона, у Павлова возникла мощная школа учеников.

К 50-летию со дня кончины Циона в «Физиологическом журнале СССР» была опубликована статья Д. Г. Квасова, в которой автор писал: «Циону было свойственно честолюбие, переходящее в мелочное тщеславие, выраженное сознание собственного достоинства, переходившее в угодливость перед сильными мира сего, научная полемика, часто эволюционировавшая в личную неприязнь, искренняя приверженность к чистому знанию, смыкавшаяся с яростными и несправедливыми нападками на «фанатичных нигилистов». Однако характеристика профессора И. Ф. Циона не будет полной и точной, если не прибавить, что этого человека с тяжелым характером и консервативными общественными взглядами, резкого, желчного и раздражительного, природа наделила исключительным талантом исследователя, большим литературным

дарованием, огромной работоспособностью»².

А вот как характеризует Циона известный историк Манфред:

«Илья Фаддеевич Цион, именовавший себя во Франции *Ellie de Cyon*, был, как удачно назвал его М. Н. Покровский, «патриот двух отечеств», авантюрист, в облике которого все было как бы противостоительно. Еврей по национальности, крестившийся в зрелые годы, он был антисемитом, монархистом и реакционером, другом Каткова. По специальности врач, профессор медицины, он занимался финансовыми операциями и был русским финансовым агентом в Париже. Он одновременно был в начале 80-х годов директором реакционной французской газеты «*Galois*» и постоянным сотрудником «Московских ведомостей» и «Русского вестника» Каткова. Он публиковал исследования о финансовом балансе России и критические этюды о творчестве Льва Толстого, анализируя произведения «русского пессимиста», как он называл Толстого, с точки зрения «социальной, эстетической и физиологической»³.

Научная карьера Циона напоминала карьеру математика: свои основные открытия он сделал в молодости. Он учился сперва в Киеве, затем в Варшаве, потом в Берлине, окончил университет в 1864 г. Сначала специализировался по невропатологии. Вернувшись в Россию, он в 1865 г. в возрасте 23 лет в Петербургской медико-хирургической академии защитил докторскую диссертацию, в которой установил связь между хореей и ревматизмом.

© Шевелев А. С. Две жизни Ильи Циона.

¹ Мечников И. И. Страницы воспоминаний. М., 1946. С. 137.

² Квасов Д. Г. // Физиол. журн. СССР. 1962. Т. 48. № 12. С. 1527.

³ Манфред А. З. Внешняя политика России. 1871—1891. М., 1952. С. 393.

В декабре того же года Министерство просвещения командировало Циона за границу для совершенствования в клинике нервных и психических болезней. Работая в лаборатории крупнейших физиологов К. Людвиг и Э. Дюбуа-Раймона, он заинтересовался экспериментальной физиологией.

В 1868 г. Цион возвращается в Петербург, где занимает должность сперва приват-доцента, а с 1870 г. — экстраординарного профессора Петербургского университета.

Свои основные открытия Цион сделал во время работы в зарубежных лабораториях и в первые годы службы в Петербурге. В 1866 г. он совместно с Людвигом открыл афферентный нерв сердца. Эта работа, удостоенная премии Парижской медицинской академии, положила начало учению о рефлекторной регуляции кровяного давления и о нервных механизмах поддержания постоянства свойств внутренней среды организма. Год спустя, он совместно с братом-врачом, открыл в лаборатории Дюбуа-Раймона во Франции, нервы, ускоряющие работу сердца. В 1873 и 1878 гг., работая в Петербурге, а затем во Франции, Цион доказал важную роль полукружных каналов внутреннего уха в пространственной ориентации и равновесии. Он установил связь процессов торможения и возбуждения и открыл роль печени в синтезе мочевины и липоидов, а также влияние мозговых нервов на сокращаемость сосудов.

В 1873—1874 гг. вышел двухтомный «Курс физиологии» Циона — лучший учебник физиологии в России⁴. Книга Циона о методике физиологических экспериментов была издана в Лондоне в 1876 г. Х. С. Коштыянец писал, что «эта книга — лучшее, что было написано по вопросам физиологических методик в XIX веке»⁵.

В 1872 г. в Медико-хирургической академии после ухода в отставку И. М. Сеченова освободилось место ординарного

профессора. Знаменитый автор «Рефлексов головного мозга» Сеченов рекомендовал на эту должность Циона, учитывая его выдающиеся научные заслуги.

Однако в Медико-хирургической академии обсуждение такого назначения вызвало подлинную бурю. Большая часть членов Совета поддержала выдвижение на эту должность гистолога Шкляревского, не имевшего законного права на эту должность. Кандидатуру Циона по просьбе Сеченова предложил С. П. Боткин. На работы Циона были представлены положительные отзывы крупнейших физиологов того времени: А. Гельмгольца, К. Бернара, Э. Дюбуа-Раймона, И. М. Сеченова, Э. Ф. Пфлюгера и других.

Причина столь бурного обсуждения кандидатуры Циона заключалась в том, что он проявил себя как активный защитник реакции и самодержавия, открыто заявляя в публицистических статьях о своем отрицательном отношении ко всему новому. Он был известен как один из ближайших сотрудников Каткова — могущественного редактора «Московских ведомостей» и «Русского вестника» — наиболее реакционных изданий России. Катков был заочным воспитанником Циона при переходе его в православное вероисповедание.

Поэтому неудивительно, что военный министр, в ведении которого находилась Медико-хирургическая академия (вскоре она стала именоваться Военно-медицинской академией), назначил на должность заведующего кафедрой физиологии не Шкляревского, которого поддерживала большая часть членов Совета, а Циона.

Это дело широко обсуждалось в прессе, и более всего — в «Отечественных записках», редактором которых был Н. А. Некрасов. «Отечественные записки» скорбели по поводу отставки Сеченова и возмущались приказом военного министра о назначении Циона, несмотря на то, что научные заслуги Циона не вызывали сомнений. Этот вопрос дебатировался целых два года, и Цион мог начать свою работу в Медико-хирургической академии только в 1872 г.

Но как он начал свое преподавание?

— Вот что писал по этому поводу Н. Н. Страхов в письме Л. Н. Толстому; «Цион начал выполнять поручения, возложенные на него царским правительством. Уже в первой вступительной лекции он стал нападать на передовые научные идеи и общественные идеалы, которые культивировались в Медико-хирургической академии. В своих лекциях он открыто выступал против дарвинизма и всеми силами пытался дискредитировать своего предшественника — И. М. Сеченова, в самых резких выражениях критиковал те естественно-научные книги, на которых воспитывались передовые люди 60-х годов. Цион взял на себя труд уничтожения нигилизма, взялся вытравить из сознания юношества материалистическое мировоззрение. Его деятельность в Медико-хирургической академии в самом начале вызвала очень резкое противодействие революционных кругов. Студенчество бурно реагировало на поведение профессора-реакционера, и однажды, когда Цион притащил на лекцию специально изданную полемическую статью («Работы и критические статьи», 1874) и стал раздавать ее студентам с соответствующими комментариями, студенты разразились свистом и шиканьем и пошвыряли в профессора полученные от него брошюры»⁶.

На своих, надо сказать, прекрасных лекциях и в своем курсе физиологии Цион неумеренно часто подчеркивал личные заслуги в науке и не снисходил до разжевывания научных истин, что нравилось далеко не всем студентам. Тщеславие Циона проявлялось и чисто внешне: в отличие от своих более скромных коллег он прибывал на лекции в мундире военного профессора, расшитом серебряными листьями, с серебряной бахромой подполковничьих эполет. Рассказывали, что он приезжал в академию верхом на лошади, которую ему подарил тесть, интендантский подрядчик. Не нравился коллегам и студентам и его подхалимаж перед началь-

⁴ Цион И. Ф. Курс физиологии. Т. 1—2. М., 1873—1874.

⁵ Коштыянец Х. С. Очерки по истории и физиологии в России. М.—Л., 1946.

⁶ Толстовский сборник. М., 1914. Т. 11. С. 54.

ником академии, которого они не терпели (на первом листе «Курса физиологии» было печатное посвящение начальнику академии).

Цион мечтал создать свою физиологическую школу. Прекрасный экспериментатор, он привлек для работы в своей лаборатории студентов не только из Медико-хирургической академии, но также из университета, где он продолжал занимать должность экстраординарного профессора. Среди этих студентов был будущий нобелевский лауреат Павлов, работавший по вечерам в лаборатории Циона, которая была оснащена самыми современными приборами, выписанными из Вены и Лейпцига. В этой лаборатории Цион, его сотрудники и студенты работали часто до глубокой ночи. Павлов, Афанасьев и другие студенты, увлекшиеся физиологией, понимали, что без медицины они настоящими физиологами не станут. Павлов боготворил Циона, жадно перенимая его несравненное экспериментальное мастерство. Он выполнил под его руководством две работы, причем самостоятельно разработал новый метод изучения функций поджелудочной железы. Павлов спешил закончить эксперименты с тем, чтобы потом перейти из университета на третий курс Медико-хирургической академии.

Между тем атмосфера вокруг Циона постепенно накалялась. Почувяв недоброжелательность аудитории, он на первом же экзамене поставил 120 двоек. Через два года после назначения Циона заведующим кафедрой возмущение студентов стало перерастать в бунт. Потом Цион сам писал, что ему пришлось попросить начальство поставить у дверей аудитории двух жандармов.

В октябре 1874 г. разразился взрыв. Студенты кричали: «Долой Циона!» На усмирение студенческого бунта пришлось вызвать солдат, пятерых зачинщиков посадили на гауптвахту. Но это только подлило масла в огонь: студенческие волнения перекинулись в Технологический и Горный институты. Испугавшись, военный министр Милютин предложил Циону срочно отбыть в отпуск «из-за расстро-

енного здоровья». Не пожалели денег: Цион отправился в Париж за казенный счет.

Но отпуск оказался бессрочным. В начале января 1875 г. Совет Петербургского университета единогласно исключил Циона из числа профессоров за то, что он поставил себя в невозможные отношения со своими коллегами. Место Циона в Медико-хирургической академии занял ученик Сеченова молодой физиолог И. Р. Тарханов, который придерживался передовых воззрений своего учителя.

Так навсегда закончилась научная карьера Циона в России. В 1875 г. Бернар пригласил его работать в своей лаборатории, а через некоторое время Циону удалось организовать собственную небольшую лабораторию в Париже. Но собственную научную школу он так и не смог создать.

Началась вторая жизнь Циона, в которой главную роль играла уже не физиология. Ее сильно потеснили публицистика, экономика, финансы. Свой незаурядный талант публициста он употребил главным образом для борьбы с нигилизмом и свободо-мыслием, посильно укрепляя самодержавие и российский реакцию. Показательна в этом отношении его брошюра «Нигилисты и нигилизм», опубликованная в типографии Каткова в 1886 г. В ней Цион критикует нигилистов, пишет, что Медико-хирургическая академия была в 70-х годах главным рассадником нигилизма, вспоминает о напаках на него печати, критикует Маркса, Лассаля, Добролюбова, Чернышевского, Писарева, высказывает свое удивление разгромом Парижской коммуны, называя ее «гнусным бунтом». Там же он пишет о вреде свободы печати, подтверждая это примерами из прессы Франции.

Главным наперником и другом Циона был М. Н. Катков, крайний реакционер, верный соратник вдохновителя реакции К. П. Победоносцева.

В 1887 г., незадолго до своей смерти, тяжело больной Катков пишет Победоносцеву: «Что касается Циона, то я чувствую себя близким ему уже потому, что был его восприимчивом по крещению, хотя и заоч-

ным. Он, по своему образу мыслей и настроению, давно уже сблизился с христианством и не находился ни в каких связях с еврейством. Узнал я его впервые в семидесятых годах, когда он был профессором физиологии при Медико-хирургической академии и вел борьбу с отрицательным направлением и милитаристским жлиберализмом того времени, как известно и графу Толстому (речь идет о министре внутренних дел.— А. Ш.) и нынешнему министру народного просвещения, так как Цион был тоже преподавателем в университете. Он боролся крепко и честно, и, наконец, отказался от всех выгод своего положения, при которых ему открывался доступ в Академию наук, и нашел вынужденным уехать за границу. Это человек замечательных способностей, высокого образования и научной известности, выходящей за пределы России. Во Франции ему была обещана кафедра физиологии...

Живя во Франции, он находился в сношениях со многими влиятельными лицами и мог бы быть очень полезен нашему министру иностранных дел. Но он оттолкнул его, считая его моим агентом, хотя никаких поручений политического свойства он никогда от меня не имел...»⁷

Катков лукавил. Он неоднократно давал Циону поручения именно политического свойства. Цион стал его главным агентом во Франции, который якобы способствовал русско-французскому сближению. По рекомендации Каткова министр финансов И. А. Вышнеградский назначил Циона чиновником особых поручений при министре финансов во Франции в мае 1887 г. Однако в ноябре 1888 г., после соглашения о получении во Франции первого конверсионного займа, в подготовке которого принимал активное участие Цион, его уволили со службы по обвинению в получении крупной взятки. К тому времени главным заступником Циона, Катков, скончался. После своей отставки Цион остался в Париже и

⁷ Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Т. 1. Полнотом 1. С. 169.

заявлялся активной публицистической деятельностью.

Смерть Каткова в июле 1887 г. Цион перенес тяжело не только потому, что лишился влиятельного покровителя, но также и потому, что не сбылась его надежда стать редактором «Московских ведомостей» после Каткова, на что он рассчитывал, как его ближайший сотрудник. К моменту выхода в отставку Цион имел чин действительного статского советника.

За месяц до своей кончины Катков еще раз писал Победоносцеву о Ционе: «В дополнение тому, что мною было сказано о Ционе, спросите И. Д. Делянова о причинах, заставивших его оставить профессию в Медико-хирургической академии. Он, физиолог, был сильным противником материалистического направления, которое, особенно через эту науку, проникало в умы и приобретало силу благодаря либеральному режиму того времени, завладевая и кафедрами в университетах, и печатью.

Он обучился в антагонизме с этим режимом, который развращал и учащихся, и учащихся и долго держаться не мог...

По-видимому, после этого письма Победоносцев стал благосклоннее относиться к Циону, нравственные качества которого у него ранее вызвали сомнения, что отражалось и на отношении Александра 111 к Циону. Во всяком случае после смерти Каткова министр просвещения Делянов писал Победоносцеву: «Передал я Его Величеству и разговор ваш со мною о Ционе. В этот раз государь выражался гораздо мягче о Ционе и даже очень хвалил его способности. Я думаю, что если Цион напишет несколько передовых статей в надлежащем смысле, то Его Величество выразит еще лучшее о нем мнение. Впрочем, государь выразил мысль, что не мешало бы «Ведомостям» иметь Циона своим сотрудником».

Цион продолжал оказывать правительству услуги и после смерти Каткова, так как пользовался большим авторитетом в правительственных кругах не только Франции, но и Германии.

Роль Циона как агента

Каткова в Париже чуть не привела к политическому скандалу. 29 мая 1887 г. в парижской газете «Вольтер» появилась заметка, в которой говорилось, что Катков через посредство Циона направил кандидату в премьер-министры Г. Флокэ письмо, в котором заверял его, что принятие им министерского портфеля будет благосклонно встречено Александром III. Эта заметка послужила предлогом для обвинения Каткова и Циона во вмешательстве в разрешение министерского кризиса во Франции.

Политические игры не привели к добру. Цион не предполагал, что все закончится полным крахом. В этих играх он замахнулся на самого Витте. И обжегся. В своих «Воспоминаниях» Витте уделил много времени персоне Циона¹⁰. Он писал, что, когда Вышнеградский выгнал Циона за получение взятки от французских банкиров, Цион стал писать против него памфлеты и посылать на него анонимные доносы.

В 1891—1895 г. Цион опубликовал в Париже несколько брошюр, в которых он обвинял Витте и Вышнеградского в хищениях, финансовых злоупотреблениях, критиковал введение при Витте золотого обращения и даже обвинял того в приверженности к социализму. Цион призывал французских держателей акций не приобретать русских ценных бумаг, отказаться от обмена ценных бумаг на новые и требовать выплаты капитала.

Эти выступления вызвали возмущение Витте, так как Цион пользовался доверием французских банкиров как бывший представитель российского министерства финансов. Поэтому по предложению Витте в апреле 1895 г. у министра внутренних дел Дурново было создано «особое совещание для обсуждения преступной деятельности проживающего за границей действительного статского советника Циона, резко выразившейся в напечатанном им в Париже его сочинении «Витте и русские финансы», и тех мер, кои необходимо принять к прекращению таковой его деятельности». Со-

вещание приняло решение запретить Циону пребывание за границей, потребовать его возвращения в Россию в двухмесячный срок, а затем привлечь к уголовной ответственности.

Однако Цион отказался вернуться в Россию и потому в августе 1895 г. был лишен русского подданства, всех прав и пенсии.

Но Цион не унимался. В 1896 г. он опубликовал еще две брошюры, направленные против Витте: «Куда временщик Витте ведет Россию» и «С. Ю. Витте и его проекты злостного банкротства».

Не имея возможности запретить Циону публицистическую деятельность, Витте распорядился через резидента русской разведки в Париже И. А. Рачковского организовать регулярную слежку за Ционом.

В 1893 г. имя Циона оказалось замешанным в Панамском скандале, а именно в получении от Панамского общества 500 тыс. франков якобы для покупки «Московских ведомостей».

Цион прожил две жизни: одну — в науке, другую — в политике и бизнесе. Вторая мешала первой. Эти две жизни оказались несовместимыми.

Судьба Циона трагична. И поучительна. Верный слуга самодержавия, он был лишен русского подданства. Выдающийся ученый, он, в сущности, предал науку, обменяв ее на мишуру политической борьбы.

Эта странная судьба представляется еще более нелепой при ее сравнении с жизнью бывшего ученика Циона — Павлова. Павлов писал, что творчество настоящего ученого невозможно без «неотступного думания» над научной проблемой, а для этого ему мало 24 часов в сутки. О каком неотступном думании могла идти речь у Циона, если у него большая часть времени уходила на политические игры и на собственное обогащение? Предав науку, Цион предал самого себя.

Сравнение жизни Циона и Павлова позволяет сделать вывод, который актуален и сегодня, в эпоху всеобщей политической трескотни: научному поиску противопоставлена политическая мишура.

⁸ Там же. С. 175.

⁹ Там же. С. 158.

¹⁰ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 1.